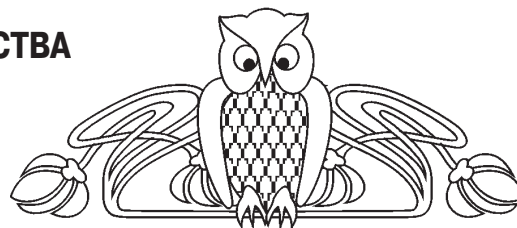

УДК 101.1:316

СИСТЕМНЫЕ РИСКИ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА

Устьянцев Владимир Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ystvb@list.ru

В статье представлен анализ рискогенных процессов, вызванных переустройством техногенного общества под влиянием новых социальных сдвигов в общественной жизни. В авторской трактовке системный риск представляет собой многомерное проявление опасности для общественной и частной жизни, опасности, тающей преимущественно неблагоприятные последствия для институционального порядка и повседневного существования человека. Системные риски представлены под углом зрения концепций жизненного и системного миров. Риски современного жизненного мира образуют ценностные структуры рискогенного бытия культуры, проявляются в XXI в. при переходе книжной культуры в посткнижную и подвергают масштабным испытаниям традиции и ценностные установки социокультурных общностей. Установлено, что в концепции системного мира основные риски отличаются амбивалентной направленностью и высокой степенью неопределенности. С одной стороны, рисковые решения, принимаемые властными элитами в условиях общества риска, приводят к обострению рискогенных ситуаций, с другой стороны, активизируют поиск инновационных стратегий управления рисками. Теоретическим пространством взаимодействия концепций жизненного и системного миров выступает концепт «институциональный порядок», выражающий особое цивилизационное образование переходного общества, где непрерывно воспроизводятся ценностные и нормативные риски, обсуждаются общие проблемы институционального и ценностного человека в изменяющемся мире.

Ключевые слова: жизненный мир, институциональный риск, институциональный человек, информационная матрица, посткнижная культура, порядок, системный мир, системный риск, ценность, ценностный человек.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-425-429

В первые десятилетия XXI в. все заметнее становятся очертания системных рисков, проявляющихся под влиянием изменения геополитической ситуации в мире, глобализации национальных территорий, возникновения необратимых тенденций перехода культуры книги к посткнижной культуре. Цивилизационные сдвиги создают для философии новое проблемное поле, где возникают различные концепции переходного общества. Формирование этого общества как онтологической реальности связано с изменением привычной для миллионов и миллионов людей социальной среды, наполнением ее рискоемкими процессами, не укладывающимися в стандарты техногенной реальности.

Категориальный аппарат современных концепций переходного общества, ориентированный

на познавательные установки социальной философии, философии науки и философии культуры, дает возможность установить институциональные и социокультурные основания переходности, разворачивающиеся в социальных рисках. В онтологическом плане системный социальный риск можно представить как многомерное проявление опасности, вызванной нарушением основных функциональных требований, норм, ценностей общественной жизни и порождающих преимущественно неблагоприятные последствия для существующего институционального порядка и повседневной бытийственности человека. Выражая глубинные основания рискогенной реальности социума, в которую погружен современный человек, системные риски становятся особым социальным инобытием человеческих жизней, содержат ценности, воплощенные в культуре, государстве, праве.

Концентрируя ценностные и институциональные начала общественной жизни, системные риски являются феноменами многомерного мира, не поддаются однозначным суждениям и познавательным установкам. Сложность методологического синтеза в исследовании таких рисков заключается в том, что, занимая пограничное положение между ценностным и институциональным подходами, системные риски образуют особое проблемное поле и разворачиваются в явлениях жизненного и системного миров.

Социокультурные основания для осмысления системных рисков в обществе представлены в концепции жизненного мира. В классической теории жизненного мира Г. Гуссерля как в мире изначальных очевидностей, распадающихся на множество социокультурных практик, нет жестких поведенческих стандартов нормативной культуры. Ценностное отношение к окружающей действительности, пронизанное разнообразием интуитивных смыслов, оказывает влияние на поведение и сознание индивидов, по-своему воздействует на генезис и феномены рисков. В концепции жизненного мира риски обретают трансцендентальную направленность и вытекают из сознания человека: «объективный мир, который есть для меня <...> черпает весь свой смысл и бытийную значимость, которой он для меня обладает

из меня самого, из меня как трансцендентального Я» [1, с. 85]. Выдвижение в центр жизненного мира творческого сознания открывало путь к осмыслению рисков, порождаемых трансцендентальным Я. Человек, пребывающий у Гуссерля на родной почве жизненного мира, становится основным источником рисков. Мыслитель подготовил духовный дискурс для исследования исходных форм жизненного пространства, для феноменологического обоснования кризисных ситуаций и рисков в обществе, в сознании человека. Вместе с тем следует внести некоторые уточнения: жизненный мир, пронизанный ценностями культуры, содержит опосредованные ограничения в социокультурных практиках и в поведенческих установках человека, основанных на его жизненном опыте. Благодаря приобретенному опыту и здравому смыслу индивидуальное сознание позволяет индивиду ориентироваться в рискогенной среде, адаптироваться к системным рискам. Риски подвергают испытанию ценностные установки, в более широком контексте – весь жизненный мир личности. Между жизненным опытом, ценностями и рисками как испытаниями устанавливаются подвижные взаимоотношения. Представители философии жизни, анализируя эту цепочку очевидностей, проясняют важнейшие феномены жизненного мира. В. Дильтей пишет, что «совокупность процессов, в ходе которых мы подвергаем испытанию жизненные ценности и ценности вещей, я называю жизненным опытом» [2, с. 67]. Это определение работает и сегодня. По мере вовлечения в многоплановые процессы переходности человек непрерывно подвергает испытанию свои жизненные ценности и весьма неохотно расстаётся с ценностными установками, обретенными им в традиционном или индустриальном мире. Поэтому социокультурные системы постиндустриального мира часто встречают «отпор» со стороны жизненного опыта человека, тем самым создаются все новые ситуации риска. Это риски – утраты прежней идентичности, компьютерной грамотности, стандартизирующие индивидуальные чувства, суждения, взгляды, одиночества в условиях нарастания неопределенности до этого относительно устойчивых гарантий безопасности и свободы действий. М. Хайдеггер весьма точно определил сложный процесс преодоления неопределенности в жизненном мире человека, непрерывно нарастающей под влиянием весьма усложненного и противоречивого внешнего мира. Индивид, по его мнению, стремится преодолеть состояния неопределенности, когда миссия раскрытия потаенности как таковая, во всех своих видах, с необходимостью есть риск [3].

Раскрытие потаенности и обретение социокультурных средств для преодоления риска человек достигает через общение с другими. В этой связи более пристального внимания требует анализ коллективного риска как феномена системного риска. Коллективный риск чаще всего проявляется в ролевом пространстве и дает возможность определить статусное положение и меру ответственности отдельной личности. В коллективных рискованных действиях неизбежны столкновения индивидуальных интересов и настроений. Жизненные ощущения надвигающейся опасности, весьма распространенные у индивидов, оказавшихся в рискогенном пространстве, влияют на образ жизни и образ мыслей, усиливают напряженность межличностных отношений. При всем разнообразии субъективных и объективных состояний коллективных рисков, с которыми сталкивается человек в процессе реализации жизненных планов и стратегий, он постоянно испытывает влияние жизненного мира социума и отдельных общностей.

Системные риски в жизненном мире социокультурных общностей приобретают все новые очертания в смысловых и ценностных установках, распространенных в локальных культурах. Креативные корпорации, общественные движения творческой интеллигенции в единстве с новыми интеллектуалами добиваются социокультурного доминирования на различных уровнях жизненного мира переходного общества и, как правило, становятся субъектами системных рисков в образовании, в науке, в коммуникативных практиках. Вместе с тем в многомерном жизненном мире общества присутствуют информационные матрицы, направляющие развитие культуры, определяющие состояния переходности, порождающие различные ценностные измерения системных рисков. Для обществ эпохи позднего индустриализма, включая Россию, такие матрицы формируются в условиях перехода от книжной к посткнижной культуре. Массовая культура, массовые коммуникации изменяют строение и функции информационных матриц, обостряют социокультурные риски. Книжное пространство, нарушаемое «электронным» пространством, изменяет поведение и ценностные ориентации социокультурных общностей, порождает ранее не осознаваемые психологические, этические проблемы «обживания» межличностных коммуникаций. Появление новых информационных полей не проходит бесследно для жизненного мира людей. Социальное отчуждение индивидов переходит в психологическое. В жизненном мире социокультурных общностей, живущих в переходном обществе, усиливается состояние

неопределенности, множителю ощущение опасности, страха перед будущим. С нарастанием рисков жизненного мира в обществе все острее ощущается потребность в стабильности, в утверждении инновационных практик, способных управлять рисками жизненного пространства общества и человека.

Новые горизонты исследования рисков открываются в концепции системного мира. В отличие от концептов жизненного мира, где в центре внимания оказываются ценностные структуры рискогенного бытия, концепция системного мира выстраивается на рационально-институциональных началах. Эта концепция обладает разными познавательными средствами в исследовании рисков. Онтологическим основанием для адекватного исследования социальных рисков выступает особый способ организации общественной жизни в переходном обществе, «схваченный» познавательными средствами постнеклассической теории рисков.

Представляется, что в рационально выстроенном мире системные риски отличаются следующими признаками: а) содержат рационально выверенные правила и принципы исследования многоуровневых социальных объектов с высоким уровнем неопределенности; б) социальная направленность концепта «системный риск» во многом определяется интересами и практическим опытом ее субъектов (прежде всего властвующих элит); в) в результате узкопрагматической направленности, корпоративной заинтересованности и действия «синдрома нерешительности» элитарные средства управления рисками оказываются малоэффективными; г) в системно-рациональном мире *системные риски наиболее полно раскрываются в институциональных рисках*, вытекающих из многогранного процесса институализации, выраженного в нормах, правилах, требованиях. Эти риски стремятся преодолеть утвердившиеся в обществе ограничения, нарушить, как отмечает Т. Парсонс, «надлежащие мотивационные обязательства индивидов перед обществом» [4, с. 132].

Институциональные риски в зависимости от субъектно-объектных отношений между индивидами в переходном обществе можно разделить на два вида. *Первый*, позитивно-функциональный, разворачивается в существующем институциональном порядке общества и вытекает из действий властвующих элит, направленных на осуществление «реформ сверху». Рисковые решения, принимаемые правящей элитой в условиях нарастания неопределенности в функционировании переходного общества, с одной

стороны, приводят к обострению рискогенных ситуаций, с другой – активизируют поиск инновационных стратегий управления рисками. *Второй*, радикально-оппозиционный вид, интегрирует институциональные действия системной оппозиции, контр-элит, оппозиционных партий, радикалистских движений и направлен на разрушение существующего политического порядка и вытеснение правящих элит в маргинальное пространство политической жизни.

При всей подвижности консервативных и радикальных рисков в условиях переходности политической жизни длительное время сохраняется равновесие сил, обусловленное особенностями функционирования институционального порядка, осуществляющего «установление (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми» [5, с. 21]. В условиях неопределенности рискогенной среды стремление сохранить собственные жизненные позиции заставляет борющиеся стороны выполнять правила игры, установленные институциональным порядком.

В более широком познавательном контексте институциональный порядок оказывается особым цивилизационным образованием, способным создавать новые пространства, осуществлять взаимодействие жизненного мира и системного мира, интегрировать ценностные и институциональные риски. В установившемся порядке переходного общества жизненный и системный миры находятся в «сопричастном» пространстве. Причем слабое взаимодействие противостоящих по уровню организации и функционированию двух миров сопровождается появлением все новых состояний неопределенности. Как справедливо утверждает А. П. Альтинг, «функционированию и развитию многих общественных процессов присущи элементы неопределенности. Это обуславливает появление ситуаций, не имеющих однозначного исхода (решения). Если существует возможность количественно и качественно определить степень вероятности того или иного варианта, то это и будет ситуацией риска» [6, с. 19]. Отсутствие однозначных решений при столкновении интересов субъектов жизненного мира (новых интеллектуалов) и системного мира (властвующих элит) приводит к появлению многомерных рискогенных территорий, где ценностные и институциональные риски образуют особые состояния переходности общественной жизни. Амбивалентность социальных территорий рисков заключается в том, что интеллектуалы, отличаясь критическим отношением к установ-

ленному порядку и обладая весьма ограниченным жизненным опытом бытийственности в рискогенной среде, оказываются не способными к созданию собственных стратегий управления рисками в национальных (государственных) масштабах. Обостряя без того напряженное рискогенное пространство, субъекты жизненного мира не в состоянии разрешать постоянно возникающие многоуровневые ситуации риска. В свою очередь властвующие элиты как субъекты системного мира, обладая мощным бюрократическим аппаратом, продолжают руководствоваться устаревшими методами и отжившими моделями управления. В условиях нарастающей неопределенности слабое использование вариативности в принятии решений, отсутствие практики применения консенсусной демократии приводят к расширению рискогенного пространства.

Новый аспект исследования рисков открывается при осмыслении человеческих отношений в переходном обществе и его институциональном порядке. Институционализация как творение человека, выраженная в нормах, требованиях, стандартах, выводит бытие отдельного индивида за горизонт надындивидуальной жизни. В результате появляется образ «институционального человека». Следует отметить, что, «попадая в сложные ситуации, требующие инновационных решений, институциональный человек постоянно сталкивается с рисками, имеющими психологические, социальные последствия не только для него, но и для корпоративных структур, интересы которых он реализует» [7, с. 191]. Оценивая различные ситуации с позиций внутреннего «Я», институциональный человек становится оценивающим, перемещается в духовные структуры ценностного бытия. «Ценностный человек» в большей степени стремится к самостоятельности суждений и действий в мире институтов, норм и установленных стандартов, оценивая возможные последствия событий с точки зрения значимости для его жизни, убеждений или жизненных стратегий. Причем это оценивание может осуществляться не только на основе индивидуальных устремлений, но и с позиций принятых в обществе представлений о справедливом общественном устройстве, распространенных в сознании современников демократических ценностей, прогрессивных установок, признаваемых ценностным челове-

ком. По своим качествам такой человек более динамичен, способен активно реагировать на вызовы окружающей социальной среды.

Как только ценности, которыми руководствуется человек в переходном обществе, перестают выполнять свойственные им нормативные функции, подвергаются девальвации и приходят в несоответствие с его внутренним и внешним миром, в ценностном бытии нарастает влияние негативных установок, основанных на страхе, чувстве отчаяния, усиливаются стремления к стихийному протесту. Бытийственный кризис человека, вызванный внешними факторами или внутренней напряженностью духа, приводит к преобразованию сложившегося бытия, когда в центре важных событий на смену ценностному человеку приходит институциональный, готовый найти необходимые решения и стандарты поведения, способный управлять рискогенными и конфликтными ситуациями, возникшими в обществе. Предложенная картина перемещений ценностных и институциональных начал в рискогенной среде отражает общую тенденцию влияния системных рисков на жизненный мир и институциональную бытийственность человека в переходном обществе.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-33-12009 а(с)) «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс»).

Список литературы

1. Гуссерль Г. Картезианские размышления. СПб., 1998. 315 с.
2. Дильтей В. Сущность философии. М., 2001. 160 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221–238.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
6. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. 188 с.
7. Устьянцев В. Б. Амбивалентный человек в рискогенных ситуациях : институциональные и ценностные основания // Человек, общество, история : методологические инновации и региональный контекст : сб. тр. конф. Волгоград, 2008. С. 179–193.

Образец для цитирования:

Устьянцев В. Б. Системные риски переходного общества // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 425–429. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-425-429.

Systemic Risks of a Transitional Society

Vladimir B. Ustiantsev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: ystvb@list.ru

The article presents an analysis of risky processes occurred due to rearrangement of technogenic society under the influence of new social trends and changes in the public life. In the author's interpretation the systemic risk is being presented as a multidimensional manifestation of danger to public and private life, a danger that tends to have unfavorable consequences for the institutional order and everyday existence of a person. Systemic risks are presented from according to the view of the concepts of the life and system world. The risks of the modern life world produce the value structures of the risky existence of culture and are manifested in the 21st century with the transition of «book» culture to the electronic culture (post-book culture) and undergo extensive trials of traditions and values of sociocultural communities. The author has established that in the concept of the system world the main risks are characterized by ambivalent orientation and high degree of uncertainty. On the one hand, risk decisions taken by powerful elites in a risk society situation lead to aggravation of risky situations, on the other hand, they intensify the search for innovative risk management strategies. The theoretical space of interaction between the concepts of the life and the system world is the concept of «institutional order», which expresses the special civilizational formation of a transitional society, where values and normative risks are continuously reproduced, and general problems of the institutional and value person in a changing world are discussed.

Key words: vital world, institutional risk, institutional person, information matrix, post-book culture, order, system world, systemic risk, value, value person.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 15-33-12009 a (c) "Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse").*

References

1. Husserl G. *Cartesian Meditations*. The Hague, 1960. 175 p. (Russ. ed.: Husserl G. *Kartezianskie razmyshleniya*. St. Petersburg, 1998. 315 p.)
2. Dilthey W. *The essence of philosophy*. Chapel Hill, 1954. 78 p. (Russ. ed.: Dilthey W. *Sushchnost filosofii*. Moscow, 2001. 160 p.)
3. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The question of technology]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow, 1993, pp. 221–238 (in Russian).
4. Parsons T. *The system of modern societies*. Englewood Cliffs, 1971. 290 p. (Russ. ed.: Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow, 1998. 270 p.)
5. North D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. New York, 1990. 159 p. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, 1997. 180 p.)
6. Algin A.P. *Risk i ego rol d obshchestvennoy zhizni* [Risk and its role in public life]. Moscow, 1989. 188 p. (in Russian).
7. Ustiantsev V. B. Ambivalentnyy chelovek v riskogennykh situatsiyakh: institutsionalnye i tsennostnye osnovaniya [The ambivalent person in risky situations: institutional and valuable grounds]. In: *Chelovek, obshchestvo, istoria: metodologicheskie innovatsii i regionalny kontekst* [Man, society, history: methodological innovations and regional context]. Volgograd, 2008, pp. 179–193 (in Russian).

Cite this article as:

Ustiantsev V. B. Systemic Risks of a Transitional Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 425–429. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-425-429.
